

Бодался золотой теленок с дубом

ОРТ устроило бенефис Сергею Юрскому.

Кажется, безо всякого повода.

День рождения у него в марте. И назад, и вперед — далеко.

«Золотой теленок», демонстрацией которого предварялась встреча с Юрским в Концертной студии Останкино, вышел на экраны в 1968 году. Круглую дату проехали.

Тем не менее в минувший четверг весь прайм-тайм, то есть время от ужина до сна, первый канал посвятил хорошему актеру, вероятно, рассудив, что такое редкое явление (хороший актер) — само по себе достойный повод.

И правильно.

Наша зрительская благодарность первому каналу.

Теперь излюбленный прием ОРТ — однако.

«Встречи в Концертной студии Останкино», возвратившиеся на первую кнопку после долгого отсутствия, вне зависимости от приглашенного персонажа, оставляют жалкое впечатление. Споры нет, большинство находящихся сегодня в эфирной сетке ток-шоу являют собой изумительный симбиоз пошлости, глупости и нахальства, но ток без шоу не может составить им конкуренции.

Останкинская студия низведена до уровня мытищинского ДК. Время действия определить невозможно. Точно такая же публика задавала знаменитостям те же самые вопросы и десять, и двадцать лет назад. Вся страна на досуге между ужином и подушкой вслушивается в бесцветные голоса и позавчерашние тексты.

«Меня зовут Марья Ивановна. Сергей Юрьевич, хочу спросить: ваши творческие планы?»

Никому не интересно, как зовут Марью Ивановну. Подробности ее интимной биографии («Я люблю вас с 12 лет») также не имеют ни малейшего значения. Встречи в Останкино — не «Поле чудес» по одноименному адресу.

Случайное собрание людей и вопросов. Экспромт, не подготовленный заранее. Кричащее сочетание профессионального героя с любительской аудиторией. В итоге аудитория вызывает раздражение, а герой — чувство неловкости, когда со всем присущим ему тактом изгибается и съезживается, пытаясь казаться студии по мерке.

Во «Встречах...» отсутствует не только ведущий — Бог с ним, в конце концов. Они в равной степени лишены идеи и режиссуры. Полная бесстыльность выдается за собственную стиль. Совковые рудименты мозолят глаза с претензией на ностальгию. От «свежих» разговоров о гибели культуры сводит челюсти.

Кстати, худшую услугу оказывают культуре именно те, кто настаивает на ее простеньком, миленьком, бедненьком имидже...

В общем, вся надежда — на гостя. Вытянет — спасибо. Юрский вытянул. Правда, не понятно, ради чего ему это понадобилось. Видимо, ради рекламы. А зачем Юрскому реклама? Бред...

Для простых людей Юрский чересчур сложен. Для «сложных» — подчеркнуто культурных и благопристойных — все-таки слишком прост. Потому что талант не терпит благопристойности.

Студия вежливо восприняла Бродского. Похлопала. Затем не менее воспитанно внимала стихам самого Сергея Юрьевича, которые в авторском исполнении напоминают, ни больше ни меньше, того же Бродского, и даже анекдотические строчки, типа: «На женщин смотрю с холодом», на слух дела не портят...

От Юрского не требовали откровенности. Душевного напряжения. Сильных эмоций. Сбылось им же в начале передачи напроороченное: «Расскажите нам весело, улыбнитесь нам приятно...». Проведите с нами высокохудожественное мероприятие.

С каждым очередным вопросом Юрский принимал останкинскую студию на грудь. В смысле — как вес. Пытался оторвать ее от земли и продержал, сколько надо для фиксации результата. Чем вопрос оказывался банальнее, тем с большей запинкой — в несколько рывков, рождался ответ.

Юрскому к противостоянию не привыкать.

Вся его судьба — продукт не случая, но характера.

Он всегда стремится к высшей справедливости. Это юношеская слабость, но Юрскому удалось сохранить ее до седых волос и даже дольше.

Поколение Юрского вообще очаровательно своей страстной, милой, но необъективностью. Призывая окружающих быть терпимыми, они могут через минуту продемонстрировать величайшую нетерпимость, если задеты за живое. Сюда следует, в частности, отнести нападки Юрского на модные театральные «кривляния».

С Юрским постоянно хочется спорить, но для этого его вечно хочется слушать.

Будучи убежденной антикошатницей и не вынося упомянутых животных на дух (как образно, так и буквально), не можешь оторваться от экрана, когда Юрский рассказывает о трех своих любимых и глубоководных котиках.

Опасаясь и по возможности избегая слова «интеллигенция», заслушиваешься рассуждениями Юрского об этом неопределенном предмете. Хотя если интеллигент — это действительно человек, который не вправе занимать крупные должности и зарабатывать деньги, пусть лучше у нас совсем не будет интеллигенции.

Или, скажем, известный тезис Юрского: «Культура есть самоограничение». Идеология запрета, а равно и самозапрета, довольно неустойчива. Тем не менее звучит красиво.

Юрский способен мимоходом произнести гениальную фразу: «Жизнь человеческая кажется длиннее кошачьей...» В этом «кажется» уместилась целая философия.

Дух противоречия, сидящий в Юрском, сильнее самого Юрского. «Бендер — это идеал. Интеллигент, который может за себя постоять». Как будто не проповедовал только что идею полного интеллигентского самоотречения...

Юрский был самым молодым Бендером. И самым спортивным. (Из такого мускулистого атлета, прекрасно вписывающегося в стандарты ГТО, мог получиться не управдом, конечно, а талантливый комсомольский вожак.) Кроме того, Юрский был самым восточным Бендером. (Гордый семитский профиль, глаза на легком выкате по молодости лет навевали мысли о генах турецкоподданного папы.) И самым несчастным. Бендер 1968 года задыхался сразу и от безысходности сюжета, и от засушенного реализма швейцарской режиссуры. Оставив, лишенный права на романтику, — что может быть печальнее? Примерно так на днях выглядел Сергей Юрский в Концертной студии Останкино.

Бендер 31 год спустя.

АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН

88

Наше издание 5.1999 - 7 адр. - с. 7